

ОСТРОВ МЕЧТЫ

A dramatic illustration of a diver in a dark, swirling sea under a stormy sky. The diver is a small silhouette in the center, facing a bright light source that creates a large, glowing wake in the water. The sky is dark with swirling clouds, and the water is turbulent with white foam and deep blues.

МАМАЕВ САЙФУЛЛА

Сайфулла Мамаев

Остров Мечты

«Автор»

2026

Мамаев С. А.

Остров Мечты / С. А. Мамаев — «Автор», 2026

Для двадцати пяти тысяч пассажиров «Остров Мечты» — лучший круиз в их жизни. Для Аминты Ханова, самого молодого офицера лайнера, — лучшая работа в жизни. Пока на борту не появляются те, кого никто не приглашал. Техника сбоит. Люди исчезают. Враг кажется неуязвимым. Там, где бессильно оружие, побеждают инженерные решения. Но когда перед Аминтой встаёт вопрос: кто мы — создания безумного гения или мечтателя, рисующего миры? — он понимает: старые методы не работают. Технотриллер об инженере, который нашёл уязвимость там, где её не искали. И о том, что даже в мире цифр побеждает тот, кто способен мечтать.

© Мамаев С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1	8
Глава 2	11
***	14
***	15
***	16
Глава 3	17
***	19
***	21
***	23
Глава 4	24
***	26
***	28
***	29
***	30
Глава 5	31
***	33
***	37
***	38
Глава 6.	39
***	41
***	43
***	44
Глава 7.	46
***	47
***	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сайфулла Мамаев

Остров Мечты

Пролог.

Солнце ударило в глаза. Он зажмурился и шагнул назад — в затхлую прохладу подземелья.

Шаг из света во тьму — и он опять в прошлом кошмаре.

Тело едва слушалось, каждая мышца ныла так, будто в них ползают огненные черви. Кости враз стали больше, им стало тесно в суставных капсулах, отчего тянущая боль сводила с ума. В памяти всплывали обрывки ада: рычащие тени, выстрелы морвейнов, вопли и... ощущение бессилия и ужаса перед нечеловеческой силой монстров. И шишка — пульсирующая на груди обещанием мучительной смерти.

Шишка! Как же он забыл о ней?

Матвей торопливо разорвал лохмотья рубахи. Взгляд упал на грудь, и дыхание перехватило. Ничего. Не было ни зловещей опухоли, ни кровавого кратера на её месте. Только гладкая, чуть розовая кожа, как после недавно зажившей ссадины. Он провёл пальцами — ни боли, ни уплотнения. Лишь память тела отзывалась фантомным напоминанием о травме.

Что за наваждение? Она же была! Её врачи смотрели!

Я сплю? Или... проснулся, а всё, что было до этого — сон?

Стоп! А где «Москит»? Компактный, похожий на игрушечку радар, спасший ему жизнь в подземелье. Где он? Если он пропадет, у всех будут огромные неприятности на работе. И в особенности у Игоря, что привез радар Малькову! Блин, вот это встряли!

В поисках устройства Матвей огляделся, — он стоял на узком каменном языке, нависающем над пропастью. Что или кто его сюда привёл? Ещё один вопрос, оставшийся без ответа.

Бейсаа... Не дай уйти!

Матвей вздрогнул и вжал голову в плечи. На разгорячённой коже выступил пот.

Кто это?..

Огляделся.

Вокруг ничего не изменилось, он был один. Или... слова родились в его голове?..

И от этого понимания пульс участился, стало тревожнее. Пришло знание: там, внизу, в подземелье он упустил что-то критически важное. Но что?..

Что вообще с ним происходит? Почему его так трясет, что скоро зубы стучать начнут?

Вздыхнув, Матвей развернулся и снова шагнул в знакомый мрак. Нажал на кнопку смартфона — тот отозвался едва живым свечением экрана. Свет от него, слабый и жалкий, выхватил из тьмы очертания тоннеля, и экран тут же погас. Вечно в нём аккумулятор разряжается не вовремя.

Матвей едва не выругался, но глаза поймали далёкий, тусклый блик.

Неужели повезло?

Бросился на свет.

Есть! Фонарь! Наверняка кого-то из тех, кто шёл по его следу. Но какая теперь разница, если все мертвы?

Рядом валялся автомат, но оружие Матвея не привлекло. Как инженер, он всегда интересовался тем, что показывает, а не тем, что убивает.

Матвей поднял фонарь — тяжёлый, тактический, с переключателем мощности луча. Кнопка щелкнула, и тоннель залило ярким светом. Совсем другое дело!

Мальков двинулся вглубь, переступая через останки тех, что когда-то были людьми... и монстрами. Затем вспомнил слова Кейси и мысленно поправил себя: не людьми — морвей-нами. Кейси и его коллеги сами вычеркнули себя из этого списка.

— Высшие существа... — скривился Мальков, вспоминая разглагольствования моазовца. — И где вы теперь? Такая же падаль, как и мутанты Бейсаа...

Матвей напрягся.

Бейсаа? Опять этот... «Бейсаа»!

Откуда в его голове это имя? И имя ли?

Матвей мог поклясться — раньше он никогда этих слов не слышал. Неужели пришло вместе с тем потоком, что вылетел из статуэтки и прикоснулся к нему в пещере?

Матвей вновь посмотрел на грудь и не верил своим глазам: отвратительной, сочащейся гноем опухоли не было! Как же быстро она исчезла!

Нужен анализ! Нужно тщательно всё вспомнить. Но не сейчас, сейчас нет сил... Потом...

Луч выхватывал из мрака стены, испещрённые следами когтей и пуль, пятна недавно высохшей крови. И вот он — дольмен. То место, куда так стремились попасть все те, чьи тела теперь гниют в коридорах на подступах к нему.

Дольмен стоял посреди пещеры, напоминая древний терминал, ждущий оператора. А рядом с ним мигало что-то красное.

Повёл фонарём.

Луч выхватил долгожданную цель — прямо перед входом в дольмен лежал он, «Москит». Похожий на старые шахматные часы, носимый радиолокатор миллиметрового диапазона был лучшим, что они с Игорем разработали в «Заслоне».

Корпус «Москита» был исцарапан, радиопрозрачная защита антенны треснула, но индикатор упрямо мигал, требуя зарядить аккумулятор.

Мальков облегчённо выдохнул.

Живой! А что поцарапан, мелочи — всё поправимо.

Матвей поднял радар, перекинул крепёжный ремень через шею... и вздрогнул.

«Москит», как триггер, высветил в памяти то, о чём мозг отказывался думать!

Матвей замер на пороге дольмена — в памяти всплыл образ: маслянистая, переливающаяся плёнка на стенке камеры. Та, что покрывала камень над черепом чудовища.

Вновь закружилась голова.

Чёрт, как бы не упасть прямо тут. Здесь даже помощи не дождёшься! Или, наоборот, именно здесь и будут искать?

Искать? Ну конечно, Порывайко же сказал — они скоро приедут! Тогда какого чёрта ты топчешься, нужно идти! Там, в дольмене, что-то не так!

Заслоновец, подавляя слабость, вернулся в зал и заглянул внутрь дольмена. Мощный луч метнулся по шершавым стенам. И едва не завыл!

Пусто. Той субстанции не было. Ни единого следа. Лишь на пыльном полу валялось несколько скрученных, высохших коричневых листков, похожих на сброшенную змеиную кожу странной, пугающей формы.

Презрев опасность, он взял листок в руку. Тот хрустел под пальцами, как старый пергамент. Мёртвый и пустой. И хрупкий, словно пепел сгоревшей бумаги...

А что если?..

Матвей выскочил из дольмена. Оббежал его и посветил на стену...

Чисто. Ничего, что напоминало бы о мерцающем слое!

Тогда он опустил луч ниже, к основанию, выискивая хоть что-то.

И увидел. Чёткий след. Не ноги, не лапы. След был похож на широкую борозду, будто по пыли протащили тяжёлый мокрый мешок, но по краям виднелся странный перламутровый налёт, слабо мерцающий в свете фонаря.

Личги Бейсаа!

— Что? — от неожиданности Мальков спросил вслух. Но ответа не последовало.

Личги Бейсаа! Твоя цель — Личги Бейсаа! Не дай ему уйти!

Его едва не вывернуло от этого голоса.

Да что за хрень творится у меня в голове?.. Неужели шизофрения началась? Нет, со мной такого не могло случиться! Только не это! Нужно искать ответ здесь, в пещере!

След вёл от дольмена к южной стене пещеры. Свет фонаря упёрся в углубление — зияющий разлом, свежий скол в породе, уходящий в непроглядную черноту. Края его были влажными на ощупь и холодными. Инстинкты сигнализировали об опасности. Он подбежал к щели и заглянул вниз. Там, в глубине разлома, с глухим рокотом несла свои воды подземная река.

Сознание перевернулось. До него дошло: плёнка со стены дольмена не испарилась. Она слезла со стены. Она уползла. Уползла в эту щель. В реку. В Чёрное море...

Ушёл! Личги Бейсаа ушёл!

Эта мысль вызвала резкий скачок давления. В глазах потемнело, координация отказала. Матвей, не издав звука, рухнул на холодный камень.

Лето. Пригород Сочи.

Ущелье с бурной горной рекой. Узкий берег из намытой гальки. Нависающие скалы, покрытые мхом.

Туман лип к лицу, прохлада пробиралась под мокрую одежду.

Шон Кейси лежал на острых камнях, но сил сменить позу не было. Шея горела обжигающей болью — наниты скрепили сломанные позвонки, но процесс заживления еще шёл, а снимать боль не хватало ресурсов. Каждый вздох отдавался хрустом в поломанных рёбрах, посылая новые тревожные сигналы в нейросеть. Наниты чинили его, а сознание сбивало их работу, гоняя по внутренней нейросети один и тот же цикл образов. Лица недавних знакомых. Лица тех, кто хранит информацию. Нужную ему информацию... Но кто из них был носителем? Кто? Он не знал...

Кейси застонал. Его тело пронзила боль встающего на место позвонка. Это была не просто боль. Это была боль, от которой хочется сдохнуть самому — лишь бы не чувствовать такого бессилия. И во всём виноват он, Мальков! Разбить ампулы с «Авиценной»! С этой драгоценной жидкостью, полной таких необходимых сейчас нанитов!

Мальков. И эта Инна, это после её появления он изменился. Вот, кто его враг!

Зубы Шона закрипели так, что он сам это услышал сквозь шум реки.

Глава 1

Северное море. Экспериментальный тримаран «Остров Мечты».

Кроваво-оранжевый диск солнца уже почти полностью погрузился в потемневшие воды бескрайней океанской глади. Тёплый, почти красный свет ложился на панорамное стекло просторного скай-бара «Клуб вперёдсмотрящих».

Это место на верхней палубе было любимой локацией отдыха Аминты Ханова. Начальник Службы Позиционирования и Доступа — СПД, был самым молодым офицером «Острова Мечты». Высокий, жилистый и гибкий, он двигался с той походкой, что вырабатывается годами тренировок на канвасе.

Обычно он приходил сюда один, но сегодня с ним была небольшая компания.

— Ставлю сотню на то, что сегодня мы его поймаем! — громко провозгласил Картер, штурман, молодой мужчина с едва заметной сединой на висках. Развалившись в удобном барном кресле, он с наслаждением потягивал виски со льдом. — Моя фортуна меня не подведёт. Сто евро в общую кассу, что сегодня нам повезёт.

— Мечты, мечты, мечты! — поднимая кружку пива, засмеялся Ларс, румяный и невозмутимый второй главный механик. — Я уже пять лет в море, а видел эту зелёную вспышку всего раз. Держу пари на ящик того бельгийского пива, что ты так хвалишь, что сегодня — не наш день.

Аминта в спор не вступал. Его пальцы бессознательно обводили край кофейной чашки, а интерфейс HUD-очков выводил данные: У КАРТЕРА ПОВЫШЕННЫЙ ПУЛЬС.

Что это? Виски? Кофе? Пари? Не важно. Будь это опасно для здоровья, бортовой ИИ «Тессеракт» сам бы отреагировал — мгновенно проанализировал Аминта и отмахнулся от отклонения как от несущественного

Затем он посмотрел показания биоритмов Ларса. Ну, здесь всё было в норме.

Пиво? Или Ларс сам по себе спокойный?

Раньше он комплексовал — казалось, что шпионит за людьми. Теперь понял: следит Тессеракт, Аминта только получает отчёты и наблюдения бортовой нейросети.

Да бог с ними, он же сюда не коллег проверять пришёл, а за солнцем следить. Через многослойный поляризованный фильтр над скай-баром диск светила не слепил, а воспринимался сгустком чистой, угасающей энергии. Он не верил в чёрных котов, не верил в предчувствия. Но вот сейчас, сердце почему-то колотилось чуть быстрее обычного, а лёгкая нервозность буквально зудела — «сегодня».

— До ожидаемого явления ровно минута, — негромко сообщил Картер. — Аминта, чего молчишь? Мы сюда пришли вслед за тобой! Ставлю ещё сотню, что сегодня мы увидим луч.

«ВЕРОЯТНОСТЬ СОБЫТИЯ 99,8%» — зажглась на дисплеях HUD подсказка Тессеракта. Стоило прислушаться к системе, которая знала о каждом вдохе на борту больше, чем сами люди.

А плевать, поставлю на проигрыш, пусть будет платой за удачу.

— Отвечаю! И удваиваю! — Аминта даже не повернул головы, боясь пропустить момент. Его очки тонко пискнули, выводя в углу поля зрения таймер обратного отсчёта, синхронизированный с корабельными хронометрами. А затем тише, почти молясь, добавил: — И буду счастлив проиграть...

И вдруг — вспышка! Миллион бликов сорвался с воды и стекла, и палуба на миг превратилась в гигантский калейдоскоп. Уже покидая небосвод, последний луч вспыхнул не фотографическо-журнальным зелёным, а живым, глубоким изумрудом. Он был не вспышкой, а точным, ярким импульсом: будто луч лазера скользнул по гребням волн, стремительно пробежал по носу судна, палубам, мостику, сверкнул в стёклах — и был поглощён ночью.

Тьма, как плотная ткань, мягко опустилась на быстро темнеющую гладь океана. До восхода луны лишь яркий свет лайнера оставался единственным маяком на много миль вокруг. И звёзды...

— Молодой, с тебя простава! — довольный бас штурмана прервал всеобщий молчаливый восторг.

— Какие могут быть сомнения! Братва, вечером гуляем за мой счёт! — Аминта весело засмеялся. Вселенная приняла его жертву и дала увидеть эту красоту — Зелёный луч.

И, словно подтверждая реальность, браслет Аминты с мягкой вибрацией сообщил о списании средств.

— Так, стоп, почему «братва», а девушки? — тут же отозвалась француженка Анаис, молоденькая высокая штурман-стажёр. Поправляя светло-русую прядь, выбившуюся из косы «рыбий хвост», она вопросительно-лукаво встретила глазами с Аминтой.

Что, поймала? — говорили её глаза, когда она лёгкой походкой приблизилась к стихийному организатору вечеринки. — Это дискриминация?

Аминта рассмеялся и, обернувшись к ней, театрально развел руки.

— Тогда... родня! Пускай будет моя родня! Хотя бы на сегодня! Пойдёт?

— Проверим, — ответила она, и в её зелёных глазах на миг будто отразился только что угасший луч. Проведя по его запястью длинным пальцем с узором на ногте, она тихо, так, чтобы слышал только он, добавила: — А если я захочу проверить родство... получше? Кто кому какая родня?

— Для тебя, всё, что угодно! — отшутился Аминта, отвечая лёгким прикосновением ладони к подушечкам её пальцев. А для всех громко добавил: — Значит, встречаемся на дискотеке для экипажа. После двадцати двух! К сожалению, сейчас вас покидаю, мне пора бежать.

— Ты, как всегда, к своим рыбам? — бросила вслед ему миниатюрная стюардесса Юми.

— Нет, не угадала! Побежал сдавать вахту! — не замедляя шага, бросил Аминта через плечо. — Но потом к рыбам.

«Остров Мечты».

Лифт с мягким гулом магнитной левитации унёс его вниз. Стены транслировали рекламу экскурсий, но Аминта не смотрел. Он знал эту махину наизусть: полкилометра тримарана, башни, уходящие в сотню метров в небо, перемышка VIP-палуб между ними, Атриум с сотней бутиков, Город аттракционов на центральной палубе, гигантский бассейн на корме и фальшфорштевень «Посейдона» на носу — шаттл-бункеровщик, который в походе служил рефрижератором. И весь этот рай на воде для двадцати пяти тысячи пассажиров обеспечивали энергией два ториевых реактора и тринадцати тысяч членов экипажа.

Корабль-мечта.

Но главным местом, по мнению недавнего выпускника МГТУ им. Баумана, был огромный дата-центр, где жил его новый друг — искусственный интеллект корабля Тессеракт. Вот именно в туда сейчас спешил Аминта.

На пятом уровне его подхватил бесшумный траволатор. Под ногами мягко подсвечивались символы направления движения, а в воздухе витал едва уловимый аромат океана и кофе.

Не в силах сдержать эмоции, Аминта прыгнул с движущей дорожки и сделал несколько быстрых, лёгких шагов — его тело само выплескивало переизбыток энергии. Благо в пустом коридоре никто не видел этой маленькой слабости.

Перед массивной дверью с матовой чёрной панелью он замедлил шаг. Браслет на его запястье едва заметно замигал, обмениваясь с системой цифровыми рукопожатиями. Беззвучный щелчок.

Проход открылся, и его встретил знакомый гул — низкочастотная симфония из тысяч вентиляторов и работающих серверов. Аминта сделал глубокий вдох, позволяя знакомому гулу

заполнить себя. Он был дома. В цифровом сердце «Острова Мечты», которое он был призван оберегать.

Переступив порог серверной, Аминта улыбнулся. Сняв форменную куртку, он повесил её на крючок, и его рука на долю секунды коснулась холодной металлической стойки. Он вдохнул знакомый запах «дома» — озон, чистый сухой воздух и аромат свежемолотого дорогого кофе. Здесь он — среди своих в этом цифровом царстве, здесь все 2говорили» на одном языке и все друг друга понимали.

На главном экране загорелась строка: «СИСТЕМЫ В НОРМЕ. ЗАМЕЧАНИЙ НЕТ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, АМИНТА ХАНОВ».

Уголки губ дрогнули. Так заканчивалась каждая смена. Но сегодня в углу лога, мелким шрифтом, зависла строка, которую он пропустил за последние три проверки: ОБЪЕКТ АQ-СС-7-Δ: АНОМАЛИЯ ФОНА. СТАТУС: ОЖИДАНИЕ.

Аминта моргнул. Строка мигнула и исчезла, схлопнувшись в штатный зелёный индикатор. Тессеракт не ошибается. Но и не тревожит без причины.

Глава 2

Сочи. Санаторий «Солярис».

Воздух в прохладной кондиционированной палате пах дезинфектантом и дорогими духами. За окном, под слепящим сочинским солнцем, застыли в мареве раскалённые магнолии и кипарисы. Матвей Мальков кутался в плед — не от холода, от слабости, что не отпускала его с тех пор, как его вынесли из пещеры.

Его мама, Анна Дмитриевна, сидела напротив за дубовым столом. Её пальцы нервно перелистывали страницы планшета с историей болезни.

— Может, вернёшься в Москву? Отец всё уладит. Оформят реабилитацию в столичном центре.

Матвей отвёл взгляд к окну, где мелькнула тень охранника. Вздыхнул.

Мама думает, он в золотой клетке. Смешно. Если бы было всё так просто.

Двухэтажная дача, бассейн, шеф-повар из кремлёвского пула — всё это было лишь обёрткой тюрьмы, где каждое утро напоминало: он был сильным — и оказался глупцом.

— Мама, знала бы ты, как я хочу в Москву, — голос его был хрипловат. — Соскучился по ритму, по огням, по институту, по приборам. Идей столько... Кажется, выздоровею — и начну с чистого листа.

— Ты перечислил доводы за — заметила Анна Дмитриевна. — Но ни одного того, что заставляет тебя оставаться в Сочи.

— Я не в заточении. Если бы я захотел улететь, меня бы не держали. Они со мной не для того, чтобы меня стеречь. Они здесь потому, что я здесь. Потому что тот, кто был со мной в пещере... он ещё жив. Шон Кейси. И я смалодушничал. Не добил, когда он беспомощный и изломанный лежал у моих ног. Не мной изломанный — потому и не добил! Глупец! — Матвей сжал кулаки. — Он где-то здесь, в Сочи. Пока его не найдут — я отсюда никуда.

— А я-то думала, ты из-за Инны не хочешь улетать, — усмехнулась мать, но в глазах была грусть.

— Тебе про Инну Игорь рассказал?

— Ну а кто ещё? Береги его, такие друзья раз в жизни попадают. Умный, честный, деликатный...

— Согласен. Если бы не его «Москит» в той пещере...

В дверь постучали — негромко, но настойчиво, и, не дожидаясь ответа, вошла Инна.

Анна Дмитриевна оборвала себя на полуслове и медленно, оценивающе подняла на вошедшую глаза. В её взгляде не было ни неприязни, ни одобрения — лишь холодный, аналитический интерес.

Высокая, стройная, со стальным отливом серых глаз. Тёмное каре волос на гордо вскинутой аккуратной головке.

Анна Дмитриевна внутренне улыбнулась.

У Матвея отличный вкус!

— Здравствуйте, извините, я не знала, что у тебя посетители, — Инна, ничуть не смутившись, выдержала этот взгляд и перевела его на Матвея. — Я позже зайду.

— Нет-нет, не уходите, я уже давно здесь, мне пора, — Анна Дмитриевна поднялась с места с отработанной светской грацией. — Вы Инна?

Девушка бросила на Матвея быстрый, полный невысказанного вопроса, взгляд.

— Да, я Инна. Прилетела из Москвы. С кучей новостей и... проблем.

— Красивая! — признала Анна Дмитриевна, и в её голосе прозвучала не лесть, а сухая констатация. — Мне о вас Игорь рассказывал — от сына разве дождёшься?

— А зачем Матвею обо всех рассказывать? — усмехнулась Инна, и в её улыбке мелькнула стальная искорка. — Просто знакомая. Одна из многих.

— Ты по делу или как? — Матвей решил, что пора заканчивать с этим ритуальным танцем, и его голос прозвучал резче, чем он планировал.

Но Анна Дмитриевна, словно опытный дипломат, поспешила сгладить напряжённость:

— Одно другому не мешает! Всё, ребята, я побежала, завтра приду. А вообще не забывай, — она обратилась уже к сыну, — что телефон не только для того, чтобы в интернете сидеть. Звони. Чаше. До свидания, Инночка. Надеюсь, мы ещё увидимся.

И, не дав никому возможности что-либо возразить, выскользнула за дверь, оставив за собой лёгкий шлейф дорогих духов и неразрешённое напряжение.

— Поговорим? — спросила она.

— Есть о чём?

— Есть. — Она окинула потолок взглядом, будто ожидала увидеть камеру. — Вот чёрт, опять не поговорить! Порывайко, твою мать! Везде твои уши!

Мальков усмехнулся. На душе потеплело, в её ярости было что-то такое родное и узнаваемое.

— Ты в курсе, что Шона не нашли? — спросила Инна, присаживаясь.

— В курсе. Выжил мерзавец. Придётся найти и уже добить, наконец.

— Даже не думай. Это не человек. — Она покачала головой. — Там в пещере он был ранен, со здоровым тебе не справиться.

— Ну да, он же супермен. А ты бы справилась? Или твой Порывайко?

— Мы — да. — Инна коротко отрезала. — Ты и остальные...

Малькову показалось, что он услышал или прочитал по губам не озвученное слово «люди», но палец, который она резко прижала к губам, остановил любые вопросы и комментарии.

— Потом ты мне всё расскажешь! — Матвей вновь криво усмехнулся, чувствуя, как стальная пружина внутри него сжимается всё туже. — Как знакомо звучит. Кажется, я уже это где-то слышал!

Зазвонил её телефон. Резкая бодрящая трель.

— Да... Вот как? Хорошо, сейчас скажу. — Инна посмотрела на Матвея. — Скоро придут представители МОАЗ. Марк Райс и доктор Клаус Шульц. Большие шишки и учёные с мировым признанием. В Москве просят обойтись с ними деликатнее. Очень просят. С самого верха.

— Что им от меня нужно?

— У них большие потери, тебе ли не знать. Хотят поинтересоваться, как это произошло. Надеюсь, ты понимаешь, что Шон жив, — им ни слова.

— Ещё бы, — фыркнул Матвей. — Пусть так и считают, всё равно ему не жить.

Дверь открылась без стука. Первый — высокий блондин с карими глазами, в идеальном костюме. Второй — коренастый брюнет в очках с толстыми линзами, в руках ультратонкий планшет.

— Матвей Сергеевич, — голос Райса был безжизненным, как у нейросети первого поколения. — У нас несколько вопросов о вашей последней экспедиции. Стандартная процедура.

Шульц молча подошёл к монитору у кровати — его глаза считывали данные без единой паузы.

Сбой Матвей почувствовал раньше, чем запищал датчик: сердце будто морзянку отбивало. В глазах стало темнеть, исчезли краски, всё стало монохромным...

— Ваши показатели... — Шульц поднял глаза.

Монитор зашёлся пронзительным писком. Давление падало, пульс становился нитевидным. Тело восставало против самого себя.

Райс перевёл взгляд на Инну.

— Что с ним?

— Видимо, реакция на вас. Мне кажется, вам стоит уйти.

— Я врач! — отрезал Шульц. — Это всем остальным стоит уйти! И быстро, зовите персонал! Он умирает!

Дверь распахнулась, ворвалась бригада врачей. Голоса, команды, холодный блеск ампул и звон инструментария — всё смешалось в какофонии. В глазах замелькало: побелевшая Инна, перекошенное ужасом лицо немца, каменная маска американца...

И последнее, что он почувствовал, — не страх смерти, а то, что внутри него рвётся наружу что-то древнее, могучее. Всплеск эмоций запустил каскад в нейрокортексе. Чужеродный массив, записанный в пещере, воспринял биополе гостей как системную угрозу. Внутри развернулась клеточная буря: симбиотические структуры пытались подавить чужую биологическую сигнатуру.

А потом наступила тишина. И пришло воспоминание. Не своё... и теперь своё. Тревожное.

Сектор Эла. Система Эла-7. Планета Ауэна.

Чани открыл глаза. Плотная облачность нависала над ним, скрывая небо. Здесь, на газовом гиганте, звёзды были лишь легендой. Он лежал на зыбкой поверхности — одном из сгустков плотного газа, служивших в этом мире островами жизни.

Жители были хрупкими, почти прозрачными. Всё — от мебели до домов — создавалось из окружающего газа силой воображения. И этим Чани отличался: достаточно было сосредоточиться и укрепить предмет своей энергией — и он обретал прочность.

Но в душе жила тревога. Странное ощущение приближающейся катастрофы. Он пытался убедить соседей покинуть опасную зону и переселиться на другие острова, но никто его не слышал. Не хотели слышать.

— Ты всегда всё выдумываешь, — говорили они. — Лучше займись делом.

Бедра подступала медленно, но пришла почти мгновенно. Внезапно всё вокруг пришло в движение. Волны газа забурили.

Он понял: время истекает. Огонь, что давал тепло их миру, стал враждебным. Радиоактивное пламя должно было сжечь всё за считанные мгновения.

Чани не возводил стену — он проектировал резонансный контур. Лабиринт из ионизированного газа, способный перехватить вектор термоядерной вспышки и развернуть его на 180 градусов. Отразить. Создать встречный поток.

Он строил, когда никто не верил. Возводил ловушку, когда все замерли в ужасе. Укреплял, когда небо стало оранжевым и загорелось.

Жар разрушал его творения, разрушал его самого: обгорали конечности, горела кожа — но он продолжал возводить отражающие щиты. И огонь покорился, пошёл по лабиринту.

Тогда пришло понимание: *Это Арант, о котором он слышал, но раньше не сталкивался. Та самая энергия информации.*

...Чани перестал строить физические барьеры. Он переключился на управление средой. Вплетал кванты Аранта в турбулентные потоки, заставляя газ кристаллизоваться по алгоритму зеркального отражения. Новые панели встали на пути гибели — полированные, самовосстанавливающиеся, они сформировали оптическую ловушку, гасящую радиацию.

Планета устояла.

Не устояло только тело Чани.

Он очнулся в капсуле. Тонкий слой питательной среды. Вокруг всё незнакомое и чужое. Сознание парило между бытием и небытием.

В глубине разума раздался голос — мягкий, чужой и проникновенный:

— Чани, ты проснулся. Ты сохранил свой мир, и это — подвиг. Мы — Союз Цивилизаций — приветствуем тебя и принимаем в свои ряды

— Но... Моё тело?..

— Твоё тело повреждено, но твой разум жив. Твоя способность общаться с Арантом уникальна. Сейчас ты существуешь как нейросеть. Нам нужна твоя память, чтобы построить пирамиды-накопители этой энергии. Они обеспечат будущее Союза.

— Я?... Но меня нет!

— Ты не забыт, — мягко сказал голос. — Мы предлагаем тебе новую жизнь. Новое тело. Место в звёздном мире. Пока же твоя задача — сохранять знания.

Чани не мог ответить словами. Но мысленно посылал образы: тоску по звёздам, которых никогда не видел, и решимость не предать тех, кто в него верит.

В этом безмолвном диалоге зарождалась связь между древним творцом и могущественным Союзом, цивилизацией, проектировавшей архитектуру галактического будущего.

Матвей открыл глаза. Над ним — потолок палаты, белый, стерильный. Инна сидела рядом, вцепившись в его ладонь. В ее удивительных серых глазах стояли слёзы. — Ты вернулся, — прошептала она.

Он не ответил. В голове всё ещё горело чужое небо.

Чани, где он сейчас?

Глава 3

«Остров Мечты».

Перед дискотекой, где он решил оставить ещё восемь сотен, Аминта свернул к океанариуму. В служебных чатах его звали «Цирком морских гигантов». Но спешил он не ко всем обитателям, а к одному. К Самсону — огромному самцу косатки. К другу.

Эта дружба началась с оглушительного фейерверка хаоса в первый же день Ханова на «Острове Мечты». Тот день врезался в память, как яркая, болезненная татуировка. После чересчур официального представления капитану Карриди Аминта вынырнул из каюты и буквально врезался в гору мышц.

Бородатый гигант в яркой гавайской рубаше, с «капустными» ушами бывалого бойца, замер, разглядев новичка. Его глаза, голубые и удивительно добрые, скользнули по лицу Аминты, зацепились за его поломанные уши — и всё лицо норвежца расплылось в медвежьей ухмылке.

— Борцуха?! Зашибись! — прогремел его бас. — Нашего полку прибыло! Я — Бьорг Свенсон! Норвежец! ММА!

— Аминта Ханов! Русский! Саньда и боевое самбо!

Мощная лапища сжала его руку в проверочном захвате. Аминта ответил тем же, чувствуя, как трещат кости, но не подавая вида.

— У меня здесь цирк. Морские животные. Я директор! И дрессировщик! — Бьорг ударил себя в грудь и рассмеялся так, что задрожали стены. Кивнул на рюкзачок вещами в руке Аминты. — Каюту уже дали? Офицерскую?

— Левый корпус, LC-10-17.

— Отличное место! С видом на океан! — оценил Бьорг. — Пошли, я тебя проведу, а то по нашим лабиринтам полдня ходить будешь! А потом ко мне, я тебя моими красавцами познакомлю!

У входа в океанариум их перехватила мисс Дебра Сантос, менеджер развлекательных программ. Её лицо было тёмным, мышцы челюсти ходили ходуном.

— Мистер Свенсон! Где вы ходите? У вас представление через пятнадцать минут, а ваша помощница Лилу в лазарете! Аппендицит. Это срыв программы! Я предупреждаю — у вас это будет третье нарушение. Будут жалобы пассажиров, вылетите на берег! В первом же порту.

Бьорг побледнел. Его взгляд упал на Аминту.

— Он поможет! — выпалил норвежец, толкая ошарашенного дагестанца вперёд. — Новенький! Проверенный!

Сантос метнула взгляд на синий браслет Аминты.

Синий, значит свой, из экипажа.

— Ладно. Пять минут на переодевание. — отрезала она. — И чтоб без единого косяка!

— Ты спятил? Я плаваю, как топор! — шипел Аминта, пока Бьорг швырял ему гидрокостюм.

— Выбора нет! Выручай, братан! Или ты хочешь, чтобы меня списали?

Аминта обречённо вздохнул и принялся натягивать чёрную прорезиненную ткань. Чувствуя себя полным идиотом, он выкатил первую корзину с рыбой и двинулся к бассейну. Вода вскипела от всплесков, зал гудел — публика приняла бедлам за часть шоу. Аминта метался между корзинами, проклиная себя за то, что согласился. И тут предательски скользкий пол подставил ему подножку. Ноги поехали вперёд, и он, описав нелепую дугу, полетел навзничь, ухватившись за контейнер. Тот рванул прямо в воду.

К хищникам! Твою Мать! Бьорг, куда ты меня тянул?

Сельдь серебряными стрелками рванула во все стороны. Дельфины, сбитые с рабочего ритма, переключились на инстинкт охоты. Вода кипела, зал ревел от восторга. Аминта, не теряя ни секунды, выкарабкался на край бассейна, с трудом поднялся.

Да ну его нафиг, валить отсюда надо! Клоуна нашли!

Но судьба распорядилась иначе.

— А теперь, дамы и господа! — раскатисто зарычал голос ведущего. — Встречайте властелина глубин — неповторимого, могучего Самсона!

Глухой удар огромного тела о воду — и гигантская чёрно-белая торпеда вылетела в воздух! Пролетев половину бассейна, она с оглушительным всплеском рухнула обратно!

Волна окатила Аминту с ног до головы. Он отпрянул, нога вновь угодила в лужу, рука махнула в пустоту — и он полетел спиной прямо в воду.

Пипец! Сожрёт!

Ледяная вода сомкнулась над головой. Темнота, пузыри, солёный привкус во рту — и внезапно стремительная тень, пронесшаяся в сантиметрах от него.

Аминта инстинктивно сгруппировался, готовясь к удару. Но удар не пришёл. Тень развернулась и мягко, но уверенно толкнула его снизу.

Не для атаки. Как мячик.

Его выбросило на поверхность, высоко в воздух. Он успел увидеть ослепительный свет прожекторов, овалы открытых ртов на трибунах... и внизу — разинутую пасть. Острые, конические зубы.

Но вместо удара его встретило упругое, живое и мокрое тело. Он шлёпнулся на гладкую спину косатки и мягко съехал по ней. Вцепился в основание спинного плавника, пытаясь удержаться.

Самсон начал плавный, величественный круг по бассейну.

Зал ревел. Аминта, мокрый, перепуганный, с ноющей спиной, чувствовал себя последним идиотом и главной звездой одновременно. Косатка двигалась мощно, но удивительно плавно, будто понимая, что её невольный пассажир вот-вот сорвётся. Наконец, Самсон подплыл к тому же месту, откуда началось падение. Гигант замер, слегка притопив спину.

Аминта сполз на кафель, дрожа от холода и остаточного страха. Он обернулся. Огромный умный глаз косатки смотрел на него. Не с голодом, не со злобой. С любопытством. И уголок его огромной пасти дрогнул. Не оскал. Улыбка.

Аминта, сам не зная зачем, шагнул вперёд, присел на корточки и коснулся гладкой, прохладной кожи на лбу косатки.

— Спасибо, дружище, — прошептал он. — Теперь мы друзья?

Самсон тихо фыркнул, выпустив фонтанчик тёплого пара, и чуть подвинул голову, подставляя под ладонь Аминты место у основания плавника. То самое, которое нужно почесать. Зал сходил с ума. Но для Аминты в тот момент существовал только этот огромный, мокрый, улыбающийся друг и немыслимое чувство доверия, родившееся из паники и этого спасительного толчка в спину.

«Остров Мечты».

Бар «Глубина» напоминал подводную пещеру: тёмно-синие стены, мягкий свет, дрожащие отсветы воды на потолке. За прозрачными панелями аквариума за спиной бармена скользили акулы, их серые силуэты то исчезали, то выныривали в метре от стекла. Здесь не было панорамных окон в океан — вместо них узкие бойницы в подводный мир. Низкие сводчатые потолки давили на макушку. Воздух был густым, пропитанным солёной водой, сладковатым дымом сигарет и перегаром. Сюда приходили те, кто работал в чреве корабля: механики с замасленными руками, трюмные, обслуга океанариума. Здесь не болтали — здесь разговаривали, низко склонившись над столиками, чтобы вечный гул генераторов не заглушал слова.

Аминта сидел в углу, вцепившись пальцами в холодный бокал с витаминным коктейлем. Адреналин от сегодняшней авантюры в бассейне ещё пенился в крови, восторг смешивался с пережитым ужасом. Он всё ещё чувствовал под ногами живую упругость спины Самсона и ледяную воду, смыкавшуюся над головой. Картины погони дельфинов за серебристой стайкой, зубастая пасть и лукавая морда Самсона накладывались друг на друга, создавая сюрреалистичный вихрь.

Звук стакана о стол заставил его вздрогнуть.

— За тебя, — хриплый голос Свенсона вывел его из оцепенения. Норвежец, похожий на уставшего медведя, тяжело опустился на соседний стул и поставил на стол две стопки мутного шнапса. — За то, что не сдох. И за то, что он тебя принял.

Они молча чокнулись и Бьорг залпом опрокинул первую стопку.

— Поверить не могу, я и косатка, — признался Аминта, отпивая глоток витаминного коктейля. — Он же мог меня убить.

— Мог, — кивнул Свенсон, уже наливая ещё. — Запросто. Кости хрустнули бы, как соломинки. Но не стал. И это очень странно.

— Я до сих пор не могу поверить. Такой восторг! Мы с ним теперь друзья!

— А я до сих пор не понимаю, как ты остался цел, — мрачно ответил Свенсон. — Ты думаешь, Самсон — это большой добрый дельфин?

— А кто?

— Дельфин, говоришь? — Свенсон потер шрам на костяшках. — Так пишут в книжках. А тут восемь тонн расчётливой ярости. И чёртовы умные мозги. Косатки — это не дельфины. Это морские спецназовцы. Они не охотятся. Они учат. Младших. Друг друга. Иногда нас. Самсон сегодня на тебя посмотрел не как на еду. Как на задачу. А задачи они решают до конца.

Он отхлебнул шнапса, и его глаза потеряли теплоту.

За соседним столиком туристка с бокалом мартини замерла. Услышав часть фраз дрессировщика, она распахнула глаза.

Свенсон бросил на неё тяжёлый взгляд, и она торопливо отвернулась.

Аминта молчал. В голове всплывали картинки: Самсон, неподвижно замерший в воде и смотрящий на него. Не как животное — как равный. И даже... будто обрадовавшийся ему, как старому другу!

— Но Самсон... Он не такой! Он...

— Я был уверен, что тебя упакут в пакет, а меня спишут в ближайшем порту. Понимаешь, с Самсоном не всё так просто. Он стал таким после того случая.

— Какого случая? — встрепенулся Аминта.

Свенсон помолчал, разглядывая свою огромную ладонь, покрытую шрамами и ожогами.

— Гринда у нас сдохла. Её звали Антик. Привезли новеньких — пару афалин и её. Умная девочка была, тихая, с глазами старухи. Я ей сразу проникся. — Он замолчал, сглотнул. —

А наутро Лилу заорала. Прибегаю — а Антик уже там, в карантине, плавает брюхом кверху. Глаза стеклянные, пустые. Будто кто-то свет внутри выключил.

Он потер лицо ладонью.

— Ветеринар рукой махнул: «Стресс, акклиматизация, сердечный приступ». Даже вскрывать не стал. Утилизировали, как обычный мусор. А Самсон с тех пор изменился. В его глазах пропало всё звериное. Остался холодный расчёт. Как будто он не плавает в бассейне, а проводит инвентаризацию. Ищет слабых. Считает нас. А сегодня на тебя посмотрел так, будто узнал. Потому я и говорю — странно.

Он допил очередную порцию и отодвинул стакан.

Тень акулы скользнула по лицу Аминты, и ему на мгновение показалось, что это тень Самсона.

— Он на людей не охотится. Пока. — Свенсон обернулся, и его лицо было каменной маской. — Но не потому, что не может. А потому, что мы для него — не добыча. Мы — помехи. Или инструменты. И если он сегодня впустил тебя в свою игру, значит, у него на то был свой резон. Не наш. Его.

Аминта представил тёмную воду и чёрный глаз Самсона, который видел его насквозь.

— Так что не обманывайся его улыбкой, парень. В океане нет друзей.

«Остров Мечты».

Но сейчас, вынырнув из тех воспоминаний, Аминта невольно улыбнулся, глядя на беспокойную рябь бассейна. С тех пор, несмотря на все предупреждения Бьорга, их дружба только крепла. Редкий день проходил без Ханова в океанариуме.

Сюда он приходил и тогда, когда Свенсон отсутствовал. Чаще всего — после пьянки. Норвежец оказался любителем выпить, и его отлучки становились всё чаще. Самсон в такие дни злился, наотрез отказывался выполнять команды, а если Бьорг с перегаром настаивал — просто отплывал в самый дальний угол бассейна и оставался там неподвижным, пока дрессировщик не уходил. А когда Свенсон притаивался за дверью, выжидая нужный момент, в неё прилетала такая мощная струя воды, что остальные сотрудники только удивлялись, как дверь ещё держится на петлях.

Зато всегда трезвого Аминту Самсон встречал приветственной какофонией щелчков, свистов и скрипов. Аминта был почти уверен, что кит зовёт его по имени — в их языке были уникальные звуковые сигнатуры для каждого в стае. Дагестанец даже пытался воспроизвести эти звуки, но его голосовые связки не были приспособлены для таких ругад.

Сегодня Бьорг отсутствовал. Кормила животных выздоровевшая Лилу. Она делала это строго по расписанию, но без энтузиазма.

Аминта же общался с Самсоном всё больше. Их диалог давно вышел за рамки простого подбрасывания или прокатов. Дагестанец даже плавать стал заметно лучше — Самсон, сам того не желая, стал его тренером. Он научился глубоко задерживать дыхание, экономично двигаться в воде и, главное, окончательно перестал бояться.

Самсон почувствовал его приближение ещё на подходе. Громко просвистев, он стремительно подплыл к бортику и замер, высунув голову из воды. Его взгляд был полон немого вопроса: «Ты не хочешь поплавать?»

— Прости, Большой, — виновато сказал Аминта. — Сегодня у меня дела. Я проиграл спор и должен угостить приятелей.

Кит недовольно мотнул головой, брызги полетели во все стороны.

— Что поделаешь, такова жизнь.

Самсон фыркнул, и из дыхания вырвалось целое облако брызг. Аминта инстинктивно отпрянул.

— Обещаю, завтра приду к тебе первым! И мы вволю поплаваем. Зато выпрошу у кока для тебя деликатес. Тунца? Самого жирного?

Кит разочарованно отвернулся.

— Сельдь? Большую?

Самсон фыркнул с явным раздражением и с громким хлопком ударил хвостом по воде.

— Да что ты хочешь-то? — засмеялся Аминта. — Картошку тебе принести? Или капусту? Будешь, как козёл, её грызть!

И тут Самсон неожиданно оживился. Он всем телом сделал движение вперёд, и в его глазах вспыхнул странный, осмысленный огонь.

— Что? — ошолбенел Аминта. — Капусту? Серьёзно?

В ответ — нетерпеливое фырчание.

— Неужели картошку? — съязвил Ханов.

Хвост животного с такой силой ударил по воде, что гулкий шлепок раскатился по всему залу. Волна окатила бортик.

— Ну ты же только что радовался, когда я назвал капусту... — попытался урезонить его Аминта, но замолчал. Кит смотрел на него в упор, и в его взгляде читалась настоящая потребность. — Что? Ты... хотел козла?

Ханов мысленно представил козла, что бегал по двору дома в далеком сейчас Кумухе.

И Самсон закивал. Не просто кивнул — он энергично, почти по-щенячьи, закивал всей головой, издавая одобрительные щелчки.

— Ни хрена себе запросы, — пробормотал Аминта. — Впрочем, ты хищник, почему бы и нет? Так ты целого козла хочешь или просто мясо?

И в этот момент в его голове будто что-то резко щёлкнуло. Сознание на миг помутнело, перед глазами поплыли красные пятна, а потом он УВИДЕЛ. Ярко, отчётливо, как на экране. Большой, сочный кусок красного мяса, с прожилками жира, с которого стекали капли крови. Образ был настолько осязаемым, что у Аминты перехватило дыхание.

— Так ты... хочешь мясо? — хрипло выдохнул он. — Именно козла? Или любое?

Самсон нетерпеливо дёрнул головой, подтверждая.

— Любое? Говядина. Баранина. Не важно?

Кит снова подтвердил, издав низкий вибрирующий звук.

Ханов судорожно сглотнул. Только сейчас он осознал всю невероятность происходящего.

— Офигеть... — тихо прошептал он. — Я только что реально разговаривал с животным? Он медленно провёл рукой по лицу, ощущая лёгкую дрожь в пальцах.

Вечер в Сочи наступил быстро. Воздух пах тёплым морем, гниющими водорослями и дымом шашлычных. Шон Кейси, закутанный в чужую одежду, двигался легко и бесшумно, как хищная тень. Его новое лицо — намеренно безразличное, заурядное — было идеальной маской.

Он замер у банкомата. Приложил к щели пальцы. Кожа на кончиках потемнела, стала упругой, приняв микрорельеф чипа. Послышался высокочастотный щелчок. Через секунду выехал лоток с купюрами. Кейси сунул добычу в полиэтиленовый пакет и растворился в толпе.

Час спустя он сидел в припортовом ресторанчике. Не ел — пожирал. Всё подряд, заливая дешёвым вином. Тело требовало калорий, топлива для трансформаций.

Насытившись, он лениво окинул зал. Взгляд зацепился за парня в спортивной куртке, который цедил холодный кофе. «Стукач», — определил Кейси. Его лицо фотографически отложилось в память мозаиста — пригодится.

Откинувшись, Шон впитывал каждую черту: глаза, изгиб бровей, кривой нос, тонкие губы. Расплатился наличными и вышел.

В темноте лицо затрещало. Кожа потекла, кости хрустнули, мышцы натянулись по новой схеме. Через две минуты в отражении витрины стоял тот самый парень.

Утром он купит дешёвые шорты и майку — и у нового человека появится своя история. А потом — в магазин за приличной одеждой, и вперёд.

Но сейчас его накрыло. Не сон — кошмар наяву.

Перед глазами вставали кадры. Мальков в автобусе. Плато, давящая духота. Ресторан. Инна, танцующая с Матвеев. О чём они говорили? Мог ли он ляпнуть о флешке?

Мысль впилась в мозг. Нет, та флешка — отработанный материал. А Инна... может, она — и есть заноза, что будоражит его нейросеть?

Но чутьё, которому он доверял безоговорочно, осталось безучастным.

Не она. Не она, но её он ликвидирует с особой радостью! Назло заносчивому щенку Малькову!

Ладно, о ней потом... Но тогда кто?

Но кто тогда не даёт покоя?

Мальков? Вряд ли. С ним всё просто: найти и убить.

Но как же он хочет его прикончить! Раздавить, сломать, как самого последнего раба!

И он так и сделает. Но сначала дело. Мальков — потом.

Шон стиснул зубы, впиваясь ногтями в ладони, и продолжил смотреть в сочинскую ночь.

Глава 4

Вечер в Амстердаме был особенным. Он медленно просачивался в город, наполняя его ароматами дорогих духов, свежего кофе и холодным дыханием Северного моря. Салон «Ван дер Вален» был одним из тех мест, где этот воздух фильтровался, обретал вещественность и становился частью интерьера. Под высокими сводами мерцали экспонаты: каскады бриллиантов, реки изумрудов, огненные всплески рубинов. Воздух гудел от сдержанного шепота мировой элиты. Салон сиял, как драгоценная шкатулка, распаханная для избранных.

Хелен Панин, директор «Aegis Electronics», стояла чуть в стороне. В пепельно-сером костюме она казалась призрачной тенью на фоне роскоши. На её лице лежала маска деловой сосредоточенности, скрывающая вечную внутреннюю настороженность. Её глаза сканировали зал автоматически, минуя волю. Старая привычка, ставшая второй натурой.

Ничто не предвещало бури.

Буря пришла без предупреждения. Она словно материализовалась из воздуха. Трое. Мужчина в грязном плаще, женщина в растянутом свитере, подросток с дикими глазами. Они не ворвались — они прошли, раздвинув охрану, как оловянных солдатиков.

Хрустальная ваза, сметённая на пол, разорвала тишину. Хаос вспыхнул мгновенно.

Хелен вздрогнула. Она узнала.

Потеряшки. Люди, утратившие разум.

Их движения были резкими, лишёнными цели — только слепая агрессия и желание крушить.

Мужчина с хриплым рёвом бросился на витрину, колотя по бронестеклу голыми кулаками. Женщина опрокинула стойку с кольцами, серебряный дождь рассыпался под ногами кричащих людей. Подросток шёл, натываясь на всех подряд, отталкивая людей, как гигантские кегли.

Охрана среагировала мгновенно, но была беспомощна. Электрошокер лишь на миг замедлил подростка. Два охранника попытались скрутить мужчину — тот сбросил их, как щенков.

И тут взгляд Хелен выхватил из хаоса Марка, самого молодого сотрудника её «Aegis Electronics». Его взгляд молил о помощи. Он был отрезан от толпы и прижат к глухой стене. И прямо на него двигался самый агрессивный из нападавших.

Время для Хелен сжалось в точку.

Внутри неё что-то взорвалось. Не страх и не логика. Инстинкт защитника.

Она не закричала. Не сделала ни шага. Она просто «взглянула». Взгляд сузился, отсекая всё лишнее. Мускулы напряглись до предела. Пространство сгустилось.

Она впиалась взглядом в хаос искажённых нейросигналов, что разрывал сознание мужчины, и на мгновение позволила себе стать тем ужасом, от которого сама бежала. Холод прошёл по позвоночнику, а по нервам — один-единственный импульс, сформированный годами её собственной боли и страха:

УЙТИ! БЕГИ! СТРАХ!

Мужчина вздрогнул, его занесённая рука опустилась.

Все трое замерли. В их глазах мелькнуло не понимание — а узнавание. Будто они увидели в ней себя. А вместе с ней к ним пришел и ужас в её сознании. Они рванули прочь. Синхронно, с панической скоростью загнанных зверей. Снося всё на пути, они помчались к выходу и растворились в темноте.

В салоне воцарилась гробовая тишина. Её нарушал только стон раненого охранника и тихие всхлипывания.

Марк медленно сполз по стене на пол.

Хелен резко выдохнула. Напряжение исчезло, оставив опустошение и леденящую слабость. Она прислонилась к стене, мертвенно-бледная, с враз потерявшими блеск глазами. Пульс бил так, что Хелен его слышала, по спине бежали мурашки, на языке — металлический привкус крови.

Цена. Всегда была цена.

Она опустила взгляд, стараясь слиться с тенью. Но было поздно. Вспышка камеры ударила в сетчатку. Операторы новостных групп запечатлели всё: хаос, паническое бегство потеряшек и крупный план Хелен — в момент пугающего сосредоточения с почерневшими глазами и секунду спустя — бледную, опустошённую, почти падающую.

Кадр, который кричал громче любых слов.

«Остров Мечты».

Казалось, сама сталь корабля вибрировала в такт мощному биту. «На Волне» был не просто клубом — это было сердце ночного «Острова Мечты».

Лазеры рассекали искусственный туман, выхватывая из полумглы то лицо диджея, то блеск страза на платье, то десятки вскинутых в экстазе рук. Воздух был густым коктейлем из дорогого парфюма, сладких ликёров и чистого адреналина.

Аминта, скинувший форменный пиджак, чувствовал себя счастливым винтиком в этом огромном механизме веселья. Из десятков скрытых динамиков лился прогрессив-хаус, бас синхронизировался с пульсацией неоновых трубок, оплетавших потолок. Где-то на верхнем ярусе, среди настоящих пальм, щебетала стайка ярко-зелёных попугайчиков.

— Ну что, начальник, как тебе наша смена? — звонкий голос Анаис прозвучал прямо у уха. Она наклонилась так близко, что её губы нежно коснулись его мочки.

— Лучшее, что есть на «Острове»! — крикнул он в ответ.

Ритм затягивал в круг, ноги сами подчинялись такту барабанов. Подруга Анаис, кубинка Марисоль пританцовывала, прижавшись к нему спиной, то Анаис вскидывала руки на его плечи. Музыка сменилась зажигательным латин-попом, под который невозможно было стоять на месте. За стеклянной стеной, отделявшей клуб от аквапарка, подсвеченные прожекторами, взмывали по искусственной волне сёрферы.

Воздух звенел от флирта. В углу страстно целовалась пара. Кого-то из механиков, уже изрядно набравшегося, мягко выводили из зала. Тут же появлялась новая, шумная толпа — освободившаяся вахта.

— Эй, а мы что, самое интересное пропустили? — крикнул один из вновь прибывших.

— Ханов сегодня «Зелёный луч» увидел! — отозвался Картер. — И по старой традиции проиграл круглую сумму!

Лица новичков расплылись в понимающих ухмылках.

— За «Зелёный луч»! — поднял кто-то бокал.

— За того парня, что его нам подарил! — хлопнул Аминту по плечу другой.

— За тех, кто в море! — добавил третий, и десятки бокалов взметнулись вверх.

К Ханову шагнула знакомая фигура.

— Аминта, что за дела? — прогрохотал Бьорг Свенсон. — Почему твой друг узнаёт о вечеринке последним?

— А тебе Самсон не передавал? — отшутился Ханов. — Я пару часов назад заходил, ему и передал приглашение!

— Хитрый кит, ничего не сказал! — возмутился норвежец. — За это мне полагается штрафная! Двойная порция!

— Без разговоров! — засмеялся Аминта. — Два самых крепких коктейля в одну посуду! Вот в эту вазу!

— Уважил! — весело прорычал Бьорг, осушая вазу одним глотком.

Но у девушек оказались свои планы. Анаис и Марисоль сомкнули круг. Француженка приблизила губы к его уху. Её голос казался единственным звуком во внезапно притихшем мире.

— Здесь слишком шумно, — прошептала она. — Пойдём, мы покажем тебе настоящий секретный ингредиент.

— Не бойся, мы не кусаемся, — прошептала кубинка в другое ухо. Её пальцы сплелись с его. — Просто сделаем тебе массаж. В четыре руки.

Руки Анаис скользнули по его талии. Поддавшись импульсу, он позволил увести себя... в каюту, где его ждало продолжение этой безумной ночи.

Бешеный ритм дискотеки остался за герметичной дверью, поглощённый звукоизоляцией.

«Остров Мечты».

Где-то в самых низах, там, где заканчивался сияющий мир атриумов и начиналось стальное сердце корабля, царил иной ритм. Глухой, монотонный гул турбин был здесь богом и царём. Воздух пах горячим металлом, машинным маслом и озоном.

В небольшой нише, заставленной щитами с мигающими индикаторами, стояли два стула и самодельный столик из кабельного барабана. Здесь пересекались две эпохи: закалённая в стали механика и цифровая нервная система.

Чарли Старк, чьё лицо хранило следы десятилетий службы, с церемониальной важностью возился с закопчённым медным заварником. Рядом сидел Юн Ли, молодой IT-специалист, отвечавший за системы развлечений. Его планшет тихо мигал, но всё внимание было приковано к Старку.

— Молодой, твои компьютеры — это хорошо, — ворчал Старк. — Они песенки играют, фильмы показывают. Но если эта бандура чихнет, — он стукнул по массивному защитному кожуху турбины, — все твои программы оцифруют морского дьявола. Чай?

— Спасибо.

Юн Ли взял кружку.

Внезапно раздался странный, приглушённый скрежет. Он был негромким, но таким чуждым привычному гулу, что оба замерли. Что-то большое и металлическое провело по внешней обшивке где-то в районе балластных цистерн.

Юн Ли встрепенулся — пальцы забегали по экрану.

— Давление в норме... По вибрациям чисто.

— Ничего, — отмахнулся Старк, но прислушался. — Затонувший корабль, после Второй мировой их тут много осталось. Никак не уйдут на дно.

Он сделал глоток, но взгляд оставался настороженным.

— Море, оно большое, молодой. Не всё, что плавает, описано в твоих умных книжках. Нам, морякам, главное — от порта к порту дотянуть. А там... ну, за следующий порт!

Он протянул кружку, и Юн Ли машинально чокнулся. Старая и новая школы, связанные на миг не технологиями, а тихой мужской тревогой.

Амстердам. Башня «Norden Group».
Пентхаус Нейла Эриксона. 84-й этаж.

За панорамным окном Амстердам казался макетом, а новости на экране — единственной живой вещью в этом огромном и почти пустом пространстве.

Сам Эриксон, подтянутый, в дорогом свитере, отрешённо пережёвывал ужин. Полуприкрытые глаза следили за лицами политиков, графиками бирж, рекламой его роботов. Фон — белый шум мыслей о Патриции. О её пустых глазах, о беспомощности врачей, о бесполезной «Авиценне».

Он почти не заметил, как сменился канал. На экране возник интерьер салона «Ван дер Вален» под титром: «МИСТИКА ИЛИ НАУКА? ШОКИРУЮЩЕЕ СПАСЕНИЕ В ЮВЕЛИРНОМ САЛОНЕ!»

Нейл машинально поднёс ложку ко рту. На экране мелькал хаос: опрокинутые витрины, крики, искажённые лица агрессоров. Крупный план: молодой человек в углу, на него движется окровавленный мужчина.

И тут он увидел её. Женщину в сером костюме. Крупный план. Не красоту — невероятную сосредоточенность. Глаза — две тёмные бездны.

Следующий кадр заставил его руку застыть. Трое потеряшек замерли. Синхронно. Как марионетки. В их глазах мелькнул животный ужас. Затем — разворот и паническое бегство.

Камера снова поймала женщину. Теперь она выглядела бледной, а тени под глазами выдавали предельное истощение.

В кабинете Эриксона раздался звон — ложка упала в тарелку. Миллиардер не видел ничего, кроме замершего кадра с бледным лицом женщины и дикого бегства троих безумцев.

В его уме сработал алгоритм внутренней логики.

Первое: агрессия при деменции хаотична, неконтролируема.

Второе: реакция потеряшек абсолютно синхронна.

Третье: женщина в фокусе события. Её истощение после — будто она затратила колоссальную энергию.

У его дочери Патриции такая же деменция. Природа болезни не в здоровье, а в недостатках технологии.

Понимание ударило не как надежда — как молния. В его сознании мгновенно выстроилась причинно-следственная цепь. Эта женщина из репортажа... Она не просто была там. Она «сделала» это. Она нашла рычаг в хаосе. Она была ключом к сознанию Патриции.

Он резко встал, ударил по сенсорной панели. На дисплее появилось лицо ассистента.

— Найдите её. Ту женщину из репортажа. — Голос был тихим, но в нём рычал викинг. — Все данные. Все связи. Я хочу знать о ней всё. Найдите способ связаться. Привезите её ко мне! Немедленно. Любой ценой.

Нейл Эриксон стоял посреди холодного кабинета, глядя в окно. В отражении — его собственное лицо. Лицо того, кто после бесконечных поисков, увидел свет маяка.

«Остров Мечты».

Аминта, сбросивший пятнистую от пота форменную рубашку, чувствовал себя незванным гостем в этом девичьем благоухающем царстве. На кровати живописным хаосом лежали шёлковые платья, на тумбочке — арсенал помад и духов, на стене — солнечный плакат с кубинским пляжем.

— Расслабься, начальник, — прошептала подкрававшаяся Анаис. Её губы прошлись по его шее. — Здесь ты не офицер. Ты — наш трофей.

Марисоль, смуглая, гибкая, сбросила одежду и прижалась к его груди.

— Теперь ты наш, — выдохнула она.

Что было дальше, Аминта помнил смутно, как горячий, душистый, немного пьяный сон. Высокая, стройная Анаис и яркая, темпераментная Марисоль. Они были как огонь и вода, и он горел между ними.

Когда страсть утихла, Аминта лежал на спине, чувствуя блаженную пустоту в каждой мышце. Взгляд лениво скользил по каюте и вдруг зацепился за один выбивающийся предмет.

На открытой полке, рядом с идеально сложенной формой, сидел плюшевый заяц. Нелепый, серенький, с потёртой шерсткой и одним надорванным ухом. Он выглядел чужим в этом гламурном хаосе.

— Что это? — спросил Аминта.

Анаис проследила за его взглядом и тепло улыбнулась.

— Это мой старый приятель. Ушастик. Он со мной с первого рейса. Талисман.

— И что, приносит удачу?

— Кое-что получше, — с хитрой улыбкой ответила она. Встав на ноги, она подошла к полке и вытащила из потайного кармашка зайца маленький ножик и две таблетки в капсулах.

— От головы, — пояснила она. — На всякий пожарный. Хочешь закинуться?

— Нет уж, спасибо, — усмехнулся Ханов.

— Видишь, Ушастик, — обратилась Анаис к игрушке, — какой правильный гость. Побережём его нежную психику.

Она вернула запас на место, погладив зайца по макушке.

— Только никому не проболтайся, — сделала она строгое лицо. — Компромат на меня.

Аминта рассмеялся. Этот нелепый, потёртый заяц вдруг стал самым человечным, уютным и настоящим из всего, что он видел за весь этот феерический вечер. Маленький островок нормальности в беспорядке девичьей каюты.

Глава 5

Амстердам. Башня «Norden Group». Корпоративный ресторан.

— Прошу простить за настойчивую просьбу о встрече, — Нейл перешёл к делу. — И в первую очередь, обещаю компенсировать все неудобства, связанные с такой экстренной встречей. Ваши интересы будут соблюдены, одна из моих компаний предложит контракт на ваших условиях. А теперь, к делу. У меня есть дочь.

Хелен молча слушала.

— Она росла слабенькой. И я поддался модному увлечению. Решил за неё.

— «Авиценна», — Хелен на миг прикрыла глаза.

И здесь она! Везде, где горе, эта зараза!

— Она самая, — кивнул Нейл. — После инъекции Патриция пошла в рост, стала обгонять сверстников. К тринадцати она расцвела, стала настоящей красавицей. А потом... Угасание пришло не в один день. Тихо, исподволь.

Возил её к профессорам, к знаменитым целителям. Кто-то посоветовал обратиться в МОАЗ. Там взялись с энтузиазмом и первое, что сделали, вкачали Патриции лошадиную дозу «Авиценны». Вначале проблеск сознания... затем ещё большее отрешение от действительности. Теперь она даже есть сама не может.

Хелен не перебивала. Она понимала, в чём дело. Помогала таким. Но этому человеку помогать опасно — он сам признался в близких контактах с МОАЗ. Международная организация астероидной защиты! А на деле, те, кто погубил её семью, а её сделали рабыней. И если бы не её друг, что спас от зависимости, может и она сейчас была бы такой же, как дочь этого человека.

— Нейл, — обратилась она по имени. — Всё это трогательно, но какое это отношение имеет ко мне?

— Помогите мне. А я помогу вам. Деньги, бизнес — мелочи. Я куплю ваш бизнес. Весь. Вдвое дороже рынка.

— Что вы хотите от меня?

— Мою дочь. Верните её.

— Но как?

Эриксон включил ноутбук. На экране — потеряшки. Люди с пустыми глазами.

— Вы видите их? Моя Патриция идёт по этому пути. Каждый день теряет себя.

Он переключил запись.

Девушка с его чертами лица билась в истерике, крича о «жужжащих пчёлах под кожей». Потом замерла, глядя в пустоту.

— Я видел вас! — Эриксон повернулся к Хелен, его взгляд прожигал насквозь. — Вы остановили их! Не оружием — силой воли! Как?! Как вы это сделали?

Хелен молчала.

Она выдала себя. Идиотка! Зачем? А затем, что жизнь Марка была под угрозой!

— Помогите ей, Хелен! — Нейл наклонился вперёд. — Мои ресурсы, защита — всё к вашим услугам. Спасите дочь от этой цифровой чумы!

Хелен сидела неподвижно. Внешне невозмутимая, внутри — вихрь ужаса.

— Вы преувеличиваете мою роль, — Хелен прятала под столом дрожащие пальцы, но голос оставался ровным и сдержанным. — Хаос в салоне — стечение обстоятельств. Я лишь находилась рядом.

— Стечение обстоятельств? — Эриксон усмехнулся. — Я стал миллиардером, потому что вижу закономерности. Посмотрите сюда.

На дисплее — крупный план Хелен в момент остановки потеряшек. Видно, как она замерла, как расширились глаза, как дрогнул зрачок. Рядом — изображение безумца, замершего в тот же миг.

— Вы не были рядом. Вы сделали это. Мои программы зафиксировали уникальную энергетическую сигнатуру.

Хелен не знала, что сказать.

— Вы боитесь. Но я не враг. Я могу стать вашим щитом.

Он показал фото Патриции до болезни. Яркая, улыбчивая девочка-подросток.

— Здесь ей тринадцать. Хотела спасти китов. Последнее ясное фото до того, как мир стал расплываться. Теперь не узнаёт себя в зеркале. — Нейл задержал палец на тачскрине. — С тех пор я её не разрешаю фотографировать. Я всё ещё надеюсь на её выздоровление. И не хочу, чтобы однажды, очнувшись, она увидела эти кадры. Эти пустые, безжизненные глаза. Чтобы не знала, кем стала, пока мы искали лекарство. Помогите ей. Пожалуйста.

Хелен смотрела на фото. В глазах юной Патриции — жизнь и весёлые искорки. В глазах отца — боль, отозвавшаяся в ней эхом собственных потерь.

А между ними — она, Хелен. И она поняла: отказать не сможет.

Господи! Столько лет маскировки рухнули за один вечер! Но Марк... как можно было оставить его в такую минуту? И что теперь делать? Как пройти мимо такого родительского горя?

— Мне нужны все данные о Патриции. История болезни, результаты анализов, протоколы лечения, источники эликсиров. До мельчайших деталей! И полный доступ к ней. Без ваших специалистов. Без наблюдения. Только вы — из соседней комнаты.

Хелен жёстко посмотрела в глаза Нейла.

— Один ваш ответ «нет» на любой запрос — и я уйду. Навсегда.

— Я согласен! — выдохнул Нейл. — Всё готово. Может...

— Что?

— Почему бы не начать прямо сейчас? — его голос едва уловимо дрожал. — Всё здесь. Нам нужно только подняться на лифте.

Амстердам. Башня «Norden Group».

Большая спальная комната на одном из верхних этажей «домашней» зоны небоскрёба. Комната, переделанная под больничную палату, мягкие бежевые стены, окна с небьющимся стеклом и тонировкой.

Первое, что ошеломило Хелен — внешность Патриции. Поразительная, почти неестественная красота «нордической богини». Высокая, с идеальными пропорциями... кукла с восковым, отсутствующим лицом. Длинные волосы цвета льняного шёлка ниспадают на плечи. Лицо — классические черты: высокие скулы, прямой нос, большие, но абсолютно пустые голубые глаза. Девушка сидела в кресле у окна, неподвижно глядя в никуда. Губы беззвучно шевелились. Пальцы бесцельно теребили край одежды. Полная беспомощность. Она — идеальная оболочка без содержимого.

В помещении находилась ещё одна женщина. Няня. Выше среднего роста, пропорционально сложенная, прямая спина спортсменки.

— Это Ингрид, — представил её Нейл. — Она с Патрицией и днём и ночью. Они вместе уже много лет. Девятнадцать, если вы понимаете.

Хелен кивнула. Она понимала: девятнадцать лет назад умерла мама Патриции, Ингрид заменила её.

После долгого взгляда на Патрицию Хелен попросила:

— Мистер Эриксон, Ингрид, пожалуйста, оставьте нас наедине. Любое постороннее присутствие... может создавать помехи.

Эриксон вскинул брови — ему тяжело уйти от дочери. Ингрид бросила оценивающий взгляд на Хелен, затем коротко кивнула.

Нейл повторил кивок. Он сам просил Хелен о помощи, ему ли возражать?

Получив согласие босса, Ингрид встала и последовала за ним. Дверь закрылась с мягким щелчком.

Хелен подошла к Патриции. Поставила стул напротив неё. Села так, чтобы их колени соприкоснулись.

— Патриция, ты меня слышишь?

Девушка не шелохнулась.

Хелен взяла руки девушки в свои. Ей не нужен этот контакт, ей нужно привлечь внимание. Хоть на секунду, хоть на миг! Ей нужен зрительный контакт!

Патриция смотрит, но не видит! Она вообще ничего не видит!

Чем же её включить? Имя отца? Наверяд ли. Подружки? Тоже не то... Подожди, что Нейл говорил? Увлекалась китами?

— Кит! — резко вскрикнула Хелен.

Есть. Зрачок чуть дёрнулся!

Работаем!

Тончайший импульс-запрос к «системе» Патриции.

STATUS REPORT, IDENTIFY INTERFACE, REQUEST HANDSHAKE.

Ответ:

ERROR 0x7F: CORE PROTOCOLS CORRUPTED. NEURAL NETWORK OFFLINE.
CONNECTION REFUSED.

Хелен покачала головой.

Хуже, чем я думала... Интерфейс разрушен полностью. Нет даже рудиментарного отклика...

Ладно, пробуем ещё раз.

— Кит!

Глаза Патриции дёргаются.

Не зрачок, глаза! Неосознанно? Случайно?

Чуть заметный поворот головы. Она «ловит» контакт?

Да!

Есть, пошла информация!

В хаосе сигналов Хелен поймала крошечный, стабильный всплеск данных.

Базовый биоритм, не тронутый деменцией? Неужели?

Микро-окно!

Есть! Попалась, ну давай, красавица, помогай, сейчас от тебя зависит очень многое!

Действия Хелен молниеносны — вот когдагодились ненавистные наноботы! Сейчас важно не чинить систему — за один сеанс это невозможно — главное, внедрить крошечную и незаметную программу-мост.

TRANSLATE INTERNAL STATE -> SIMPLIFIED SPEECH OUTPUT / ACCEPT BASIC AUDITORY INPUT -> TRANSLATE TO INTERNAL COMMAND. Грубо говоря, временный «голосовой чат» поверх разрушенного интерфейса.

Код примитивен, хрупок, но это единственный шанс.

А теперь пора!

Хелен ввела серию импульсов:

RUN PROGRAM: BRIDGE.

Есть, вот оно!

Глаза Патриции медленно фокусируются на Хелен. Пустота сменяется растерянностью, затем искрой осознания. Она вдыхает глубоко, как будто всплывая из глубин. Её губы дрожат.

Голос. Тихий, хриплый, неверящий:

— Где... я? Кто... вы?

Патриция оглядывается, как оглядываются люди, впервые видящие комнату. Видит зеркало, поворачивается к нему. Дрожащей рукой касается своего лица.

— Ты в безопасности, Патриция. — Хелен старалась скрыть дрожь в голосе, говорила тихо и ровно. — Меня зовут Хелен. Я здесь, чтобы помочь. Смотри на меня, не отводи глаз!

Патриция испуганно повернулась.

Есть контакт. Продолжаем!

— Где папа? Почему здесь нет папы? — разрушая контакт, некстати забеспокоилась Патриция. — Папа! Папа! Папа?.. Я... я помню темноту... и жужжание... везде жужжание! Как остановить?!

Девушка всхлипнула, затем, вцепившись в подлокотники кресла, встала!

Дверь распахнулась. Эриксон, не выдержав ожидания за монитором, вихрем ворвался в комнату.

— Патриция! Дочка! Ты... ты говоришь! Ты звала меня?

Нейл, забыв все предостережения, сгреб дочь в объятия, слёзы текли по его щекам.

— Я здесь, солнышко! Патти, папа здесь! — шептал он, прижимая Патрицию к груди.

Нейл замер. Он почувствовал — тело дочери закаменело.

Бережно отодвинув дочь, заглянул в глаза...

— Нет! Нет! Патриция! Ты же только что была здесь... Вернись! Отвечай мне!

Но взгляд девушки снова ушёл в никуда.

Хелен беспокойно повернулась к Ингрид. Та всё поняла и мгновенно вклинилась между дочерью и отцом.

— Сэр, успокойтесь. Вы ей вредите.

Эриксон был в бешенстве, его глаза прожигали Хелен, лицо искажали боль и ярость.

— Что вы сделали?! Она была здесь! Вы вернули её и отпустили назад? Вы ничем не лучше моазовцев, те тоже так издевались над нами!

Я?! Я сделала? Я?! Идиот! Ты всё испортил!

Внутри у Хелен всё кипело, но она хранила ледяное спокойствие. Нейл сильно навредил, но сейчас говорить об этом не стоило: решит, что Хелен ищет отговорку. А на деле он разорвал контакт, прервал установившийся канал передачи программы восстановления! Мало кто знал, да никто, кроме неё и Рыка, научившего её такому методу. Морвейны программируют и управляют заражёнными нанитами ультразвуком. Она умеет программировать по более быстрому и «широкому» каналу — через зрение. Именно зрительный контакт — ключевой интерфейс в её лечении, а Нейл его нарушил.

Но сейчас главное — не Патриция, главное — Эриксон. Его необходимо успокоить, иначе девушку не спасти: своими эмоциями он её сбивает.

— Мистер Эриксон. Перестаньте. Ваша ярость бесполезна и пугает вашу дочь. — Хелен твёрдо посмотрела ему в глаза.

— Патти...

— Да, она была здесь. Я нашла временную брешь. Я создала временный «мост». И знаете, что? Его разрушили её собственные системы защиты. Они восприняли его как угрозу.

Хелен сделала шаг вперед, её энергия была направлена на умиротворение конфликта.

— Вы видели самое главное — её сознание живо. Оно не уничтожено. Оно заперто, заблокировано... — Хелен сделала паузу, глядя на то, как Эриксон пытается осмыслить её слова. — ... атаковано хаосом разрушенного интерфейса. Но оно есть. И это ключевое слово. Это был первый зонд. Грубый и несовершенный. Он дал нам доказательство концепции и показал слабое место в... её обороне. А вот кто ставил эту оборону — вопрос. У других людей, оказавшихся в подобной беде, я её не обнаруживала! Оборона адаптивная, быстро перестраиваемая. Как легко она уничтожила мой мост!

— Защита? — Эриксон непонимающе посмотрел на Хелен.

— Да. Её название... «Цербер». Кто-то установил её после основной программы, что есть у всех... потерянных. — Панин хотела применить другое слово, но не нашла и устало вздохнула. — У всех, с кем я сталкивалась ранее, такой адаптивной защиты нет. Иначе я бы смогла помочь Патти уже сегодня.

— Кто? — хрипло спросил Эриксон. — Какая... тварь ей вбила в мозг эту гадость?

— Вам виднее. Кому вы доверили копаться в голове своей дочери. — Хелен резко взмахнула рукой, будто отрезая обсуждение. — Но это уже ваше дело, не моё. Хотите — копайте дальше, хотите — нет. Что же касается Патриции...

Хелен сделала паузу: Нейл должен вникнуть в её слова, вбить себе в подкорку, как закон, как библию!

— Чтобы добраться до Патриции, сидящей там, глубоко внутри, мне нужна не минута брешки. Понимаете, внутри любого носителя наниты создают свою нейросеть. И от того, какая в ней программа, зависит, как к ней пробиться. В вашей дочери столько нанороботов, что мне ещё ни разу не приходилось сталкиваться с подобным. А поверх всего из этих нанитов создана мощная автономная броня! Мне нужен... нужен ключ от цитадели, которую там возвели. Мне нужна новая программа. Новая стратегия. Нужно найти слабые места, трещины, щели в обороне. Или нужен шпион, которого можно подсадить, чтобы он собрал сведения о той крепости, что возвели в нейросети вашей дочери. На его создание нужно время и... все ваши данные, что я просила ранее. Те, что вы уже дали, и те, что появятся после этого нашего сеанса.

Хелен кивнула на приборы.

— Я должна быть уверена, что моя работа не наносит физического вреда, в отличие от тех, кто... не хочу применять слово «лечил»! От тех, кто работал с ней, можно ждать любой пакости! Повторю — любой. И, знаете что, Нейл, я никому никогда такого не говорила, но

скажу вам: она вернётся. Не на минуту. Навсегда. Но для этого мне нужны ваше доверие, ваше терпение и ваши ресурсы. БЕЗ ИСТЕРИК! БЕЗ ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫХ ВТОРЖЕНИЙ! Лучше всего какое-нибудь тихое уединённое место. Отрезанное от всего. Только Патриция, Ингрид и я.

«Остров Мечты».

Аминта проснулся не сразу. Сначала — сознание, смутное, плавающее. Потом — память обрывками ярких картинок. Тёплое тело рядом. И ещё одно — с другой стороны.

Ханов осторожно приподнялся на локте. Анаис спала, повернувшись к нему спиной. Марисоль распласталась на животе, её смуглая рука лежала на его бедре.

Он сполз с кровати, натянул штаны. И тогда увидел его.

Её талисман.

На туалетном столике, рядом с разбросанными серьгами, пустыми бокалами и смятой пачкой сигарет, сидел он. Маленький, потёртый, с одним надорванным ухом. Плюшевый заяц-сумочка Анаис.

Повезло тебе с хозяйкой. Любит. Не расстанется, даже здесь.

Аминта не сдержал улыбки. Он потянулся было поправить наклонившуюся игрушку, но остановил руку. Не стал трогать. Её личное. Её уязвимость.

Оделся почти бесшумно. На пороге обернулся, запоминая картину.

Тихо прикрыл дверь, вышел в безлюдный утренний коридор.

Ладно, девчонки, — мысленно махнул он рукой, направляясь к лифтам, — ещё увидимся. Спасибо, что приютили... и обогрели.

Утро в Сочи.

Кейси, изменивший внешность до неузнаваемости, шёл по городу. Толпа раздражала, но в ней легко затеряться. Документов не было — ни гостиницы, ни квартиры. Звонить в МОАЗ он не станет. Для них он мёртв.

Взгляд упал на летнее кафе у моста.

Кофе? Пожалуйста.

Он сел за столик рядом с молодой парой. Девочка лет пяти ела мороженое.

Появилась официантка. Рыжие волосы напомнили о недавней знакомой. А за ней пришли образы — Мальков, Инна, раскаленное солнцем плато...

— Мама, хочу банан! — крикнула девочка, толкнув креманку. Та сбила рюмку, и по скатерти расплылось тёмное пятно ликёра.

Ликёр. Банан.

Он где-то встречался с таким сочетанием слов. Где? Во сне? Нейросеть работала даже когда сам Шон спал. Может тогда? Слышал эти слова во сне? Точно! И это было... в Адлере, в квартирке старика-самогонщика дяди Коли. Нейросеть сохранила слова самогонщика: «Под усиленной охраной возил банановый ликёр из Дагестана»...

Это же он... об «Авиценне»?

Ну да! Вот же оно, то, что он столько времени искал.

Господи, какой же он тупица! Подсказка уже давно получена, а он, слепой идиот, ничего не видел!

Глава 6.

«Остров Мечты».

— «Внимание! Внимание!» — раздался ровный, но настойчивый голос из динамиков, словно мягкое и непреклонное напоминание. — «Учебная тревога! Пассажирам и экипажу следует пройти к спасательным средствам согласно указаниям индивидуальных браслетов и световым указателям! В коридорах просим соблюдать спокойствие. Вы участвуете в плановой тренировке эвакуации. В случае затруднений — воспользуйтесь голосовым терминалом или длительным нажатием на дисплей вашего индивидуального браслета!»

Свет в коридорах плавно приглушился, а по стенам заиграли тонкие световые линии — мягкие, как неоновые дорожки, указывающие путь к эвакуационным шлюзам.

— «...и экипажу следует пройти к спасательным средствам...»

Аминта Ханов привычно шёл вдоль коридора, не спеша, но с вниманием в глазах.

Голос из динамиков был для него просто фоновым шумом, ровным гулом, который он давно научился игнорировать. Его реальность была здесь, в проецируемых на сетчатку данных.

Корабль был для него не сталью и алюминием, а живым организмом из светящихся нитей маршрутов и пульсирующих точек жизни.

Тревога была уже второй за неделю, и, возможно, не последняя. Аминта привык — это протокол: пассажиры должны чётко усвоить алгоритм действий.

Люди вокруг двигались по-разному — кто-то с тревогой в глазах, кто-то лениво, будто это просто очередная формальность. Старик в халате упрямо спорил с медботом, а где-то вдалеке слышался детский визг — смесь страха и любопытства.

На запястье Аминты завибрировал браслет — лёгкий, еле заметный импульс.

В интерфейсе HUD-очков материализовалась чёткая трёхмерная карта: пульсирующие точки, разбитые по цветам — синие пассажиры, зелёные — экипаж, жёлтые — медботы.

Все в пределах нормы, кроме единственной отметки, настойчиво пульсирующей в секторе LC-7 с флагом «ПАССАЖИР ВНЕ МАРШРУТА».

— «... сохранять спокойствие...»

Аминта мысленно улыбнулся.

Хорошо, только один, — промелькнуло в голове.

«5519, 5531, 6222» — цифры мелькали на дисплеях очков дополненной реальности, что он надел, выполняя требования всё той же инструкции для команды СПД. В отличие от многих коллег, ему нравилось носить это устройство; он будто видел на экранах очков слой интерфейса, выстраивающий пульсирующую карту корабля. Ханов любил это ощущение — будто корабль дышит под его руками.

— Тессеракт! Доклад! Данные на отклонившегося от маршрута!

На HUD появилось имя и фото: «ЛЕОНАРД СИВЕРТ, ПРОФЕССОР ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ, ПАССАЖИР 2 КЛАССА, КАЮТА, RC-05-04». Эта же информация прозвучала в костном наушнике, что был в дужке очков.

Вот же тебя занесло, профессор... Вместо четвёртой каюты на пятой палубе правого корпуса оказался в седьмом секторе левого... Может, в парикмахерскую пошёл?

— ... и переходах! Просим сохранять...

Вокруг движение не стихало: люди спешили по светящимся дорожкам, направляясь к спасательным капсулам, разноцветные указатели мягко пульсировали под ногами.

— Тессеракт! Приказ! Мед-дрон в сектор LC-7, — Аминта предпочёл общаться с нейросетью голосом.

Ответ снова пришёл по двум каналам — текст и голос в наушниках костной проводимости. Дублирование раздражало, но таковы правила — чтобы ни одна команда не потерялась.

— Тессеракт! Оповестить службу безопасности — пассажир нуждается в помощи. Сектор LC-7.

«ВЫПОЛНЕНО!» — пришёл ответ.

На дисплее зажглась жёлтая точка медицинского мини-дрона. И мигающий жёлтый пунтир к седьмому сектору.

Аминта ускорил шаг: до цели — только по трапу. Лифты во время тревоги отключались, поэтому двигаться можно было только пешком — безопасность превыше скорости.

На мостике он сразу снял очки — перед капитаном не принято, да и информация СПД вот она, дублируется на большом прозрачном дисплее. И выдохнул: новых красных отметок не появилось! Только отметка заблудившегося профессора.

— Пассажир Леонард Сиверт, каюта RC-05-04, находится вне маршрута, нынешняя локация — сектор LC-7. Мед-дрон отправлен, Патруль в пути, — бодро, как любил капитан Карриди, доложил Аминта.

Капитан одобрительно кивнул — взгляд его скользнул по пульсирующему потоку людей.

— Отличная работа, — сказал он, вздыхая. — Ещё не было ни одной тревоги, чтобы кто-то не заставил побегать за собой.

— «... Внимание! Внимание!»

— Вахтенный, отбой тревоги! — раздражённо бросил Карриди. — И выключите уже этого болтуна! Надоел уже!

Брюссель, штаб-квартира МОАЗ.

Кабинет Алессандро Вальери, председателя Совета директоров МОАЗ, был образцом технократической роскоши. За панорамным окном лежал серый Брюссель, внутри царил стерильный порядок.

Нейл Эриксон не сел. Он стоял напротив стола, на лице желание раздавить кровососущее насекомое.

— Кто поставил моей дочери недокументированный модуль? — Его вопрос прозвучал как ультиматум. — И как вы собираетесь его деактивировать?

Вальери, человек с лицом профессора и глазами бухгалтера, отложил планшет.

— Нейл, я понимаю ваше беспокойство, но давайте без обострений. Все процедуры проводились с вашего согласия...

— Не процедуры, — перебил Эриксон. — Защиту. «Цербер». Тот, кто её установил, превратил мою дочь в крепость, ключ от которой только у вас. Мне он нужен. Немедленно.

Вальери откинулся в кресле. Эриксон знал кодовое название. Это был уровень доступа, недоступный со стороны.

— МОАЗ вам не враг, — сказал Вальери. — Мы вкладывали в здоровье Патриции колоссальные ресурсы.

— Мои ресурсы! — в голосе Эриксона появился клёкот берсерка. — Если в течение сорока восьми часов я не получу ответ, я подниму свои медиа-активы и покажу миру, на что идут ваши бюджеты.

— Угрозы? — Вальери вздохнул. — МОАЗ держится на бюджетах государств. Вы хотите воевать с аппаратом, который поставил вашей «Norden Group» половину контрактов?

Эриксон не дрогнул.

— У вас двое суток. Или вы находите того, кто поставил модуль, или я начинаю войну. Я буду драться за ребёнка. Вы — за деньги. Исход предрешён.

— Вашей дочерью занимался Шон Кейси, — вздохнул Вальери. — Сейчас он пропал на Кавказе. Тот, кто мог бы о нём сообщить, едва не умер у нас на глазах.

Ресницы Эриксона чуть дрогнули. У него было имя.

— Вы хотите сказать, ключ от той дряни, что установили в мою девочку... утерян?

— Нет, что вы. Мы сегодня же свяжемся с нашим... представителем на Кавказе. Но нужно время...

— Девяносто шесть часов, Алессандро, — голос Эриксона был абсолютно плоским. — Не опоздайте.

Он вышел.

Вальери несколько минут сидел неподвижно. Затем нажал скрытую панель.

В кабинет вошли двое.

— Как Эриксон узнал кодовое название? У нас утечка. Найдите источник. Кто последний работал с девушкой? Кроме Кейси?

— Никто. Только Шон Кейси, — ответила женщина. — За неделю до его командировки на Кавказ он сообщил, что процесс стабилизирован, но прогресс вряд ли возможен. И что до нахождения метода лечения, объект законсервирован.

— Кейси... — Вальери поморщился. — Сколько проблем от этого выродка! Он наверняка закрыл девочку, чтобы прибрать дочь миллиардера к своим рукам.

— Что прикажете?

— Выполнять ультиматум. Найти того, кто знает, как обойти «Цербер». И на этом всё. Все по местам, продолжаем работу.

Сотрудники вышли. Вальери подошёл к окну.

— Ошибаешься, Нейл, — тихо сказал он. — Война уже началась.

Россия, Москва.

Стекло и бетон. Бесконечные блики под безразличным московским небом. Кейси стоял посреди атриума торгового центра «Галерея», и его тошнило от фальшивой яркости. Воздух пропах ароматизаторами кофеен и кожей новых сумок.

Он чувствовал кожей лёгкое навязчивое жжение — призрачный шорох миллионов нанитов, некогда кипевших в хранилищах под землёй. Здесь был эпицентр. ФАЗМО. Фармацевтический Завод Москвы. Здесь создавались программы «Возвышения», здесь разливалась «Авиценна».

И они хотят убедить, что ничего не осталось?

Под ногами — холодный полированный гранит, отражавший бездумные улыбки покупателей. А ниже, под тоннами бесполезной породы, покоился прах его величия. Будущей империи, которую он мог бы построить.

Его пальцы сжались. Эта личина, снятая с Малькова, ему была отвратительна. И всё же он выбрал её. Каждое его действие в этом обличье станет для Малькова ядом. Стал призраком того, кого хотел уничтожить. Всё, что придется делать, чтобы найти «Авиценну» он будет делать с этим лицом. И убивать тоже, пусть у властей появятся вопросы к Малькову, Кейси будет рад этому.

Его взгляд скользил по лицам прохожих. Они были слепы. Ходили по тонкой корке, под которой пульсировала сила, способная превратить их в пыль или в богов.

Он медленно повернулся к эскалатору. Его цель была в Дагестане. Но прежде ему нужен был раб. Не «спящий», а тот, кого можно разбудить одним прикосновением. Тот, чья ненависть была бы столь же глубока. Он знал, где таких искать. Этот торговый центр был отличным охотничьим угодьем.

Система Белого карлика. Пятая планета.

Сознание вернулось к Чани внезапно, как щелчок. Он не открыл глаза — он включил их.

Перед ним проплывали расплывчатые пятна света. Он лежал на поверхности, которая была одновременно твёрдой и податливой, точно повторяя контуры спины. Живая плита, что дышала под ним.

Он попытался повернуть голову. Взгляд упал на соседа. Тело. Грубое, угловатое, обтянутое бледной, шелушащейся кожей. Существо лежало без движения, лишь мерный подъём грудной клетки выдавал жизнь.

Чани почувствовал отвращение. Худшая из всех биоплатформ, что он представлял.

Он скосил взгляд на себя. Такое же тело. Тяжёлое, неповоротливое.

Внезапно в голове, беззвучно и чётко, прозвучал Голос. Он был лишён тембра и эмоций — скрежет камня под прессом.

ВАШИ НОВЫЕ БИОНОСИТЕЛИ АДАПТИРОВАНЫ ДЛЯ АВТОНОМНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ. ВАША ЗАДАЧА — ОБУЧИТЬ БИОЛОГИЧЕСКУЮ ОСНОВУ — ТУККУ — РАБОТЕ. ВЫ — СОЗНАНИЕ. ОНИ — ИНСТРУМЕНТ. ИНТЕГРИРУЙТЕ ИХ.

Голос смолк, и сознание захлестнули образы.

Он увидел корабль-семя, планировавший в атмосфере, словно лист. Он коснулся поверхности бесшумно, и его оболочка сцепилась с грунтом тысячами щупалец. Это было не развёртывание базы — прорастание чужеродного механизма в плоть планеты.

Он видел, как «ловцы» доставали из глубин океана испуганных разумных существ — аборигенов. Их вели в капсулы, где нанороботы ткали внутри них нейросеть, превращая в тукку: биологическую оболочку для таких, как он.

Картина исчезла.

Тишину разорвал хриплый голос справа. Его сосед, угловатый великан, поднялся на локте. Его новые глаза горели высокомерием и гневом.

— Бездари! — просипел он, с ненавистью оглядывая своё тело. — Какие неудобные тела они создали! На моей планете за такую работу самих «творцов» на переделку пустили бы!

Он ударил себя в грудь.

— Не будь я Бейсаа, если не переделаю это дерьмо в идеальные носители!

Его имя повисло в воздухе, словно обещание грядущего торнадо.

— Берутся за геномодификацию, но без Аранта! — бросил Чани. — Вот и получаем скафандр вместо тела.

— Какую нейросеть не создавай, нанороботы не способны к творчеству, — тихо сказала Тиа Мати. — Но не осуждаю. Без них мы бы сюда не попали.

Бейсаа лишь криво усмехнулся.

— Тиа, — хрипло засмеялся Чани. — Ты в этом теле... всё равно прекрасна.

Сочи. Санаторий «Солярис».

Матвей проснулся от лёгкого стука в дверь. Он уже устал от этих дурацких снов об инопланетянах и был благодарен любому поводу проснуться.

В комнату вошла Инна.

— Разбудила? — виновато спросила она.

— Всё хорошо. От очередного кошмара избавила. — Мальков впервые за долгое время ощутил, что ничего не болит. — Как насчёт прогуляться? Устал чувствовать себя пациентом.

Инна кивнула. Оба знали — помещение прослушивается.

По дороге она рассказала, что местная полиция обнаружила странный труп. Одиноким старик в пригороде Хосты. При вскрытии — та же картина, что у других убитых этим маньяком Кейси: мозг разорван неизвестным гибким предметом.

— Шон, — сказал Матвей.

— Шон, — кивнула Инна.

— Старик этому уроду чем помешал? Его звали дядя Коля — безобидный местный самогонщик. Мы провели у него один вечер... Но я о нём помню плохо: до этого уже много выпили, я и вырубился. Нас к нему привёз таксист. Помню, что добряк... был.

— А я-то думала, ты в Сочи научные задачи решал, — горько улыбнулась Инна. И вдруг резко: — Матвей, я так не могу! Ответь, кто мы друг другу?

— Вопрос не по адресу, — вздохнул Мальков. — Я не получал задания переспать с тобой.

Инна отшатнулась. Закрыв глаза, сквозь зубы выдавила:

— Я не получала задания спать с тобой. Мне никто не может приказывать.

— Всё по собственной инициативе? — Мальков остановился перед ней. — Тогда о флешке откуда узнала?

— О флешке мне сказал Виктор! — Инна открыла глаза. — Но спать с тобой меня никто не просил! Убью любого, кто подумает о таком!

— Тогда как...

— Влюбилась! Дура! — в её глазах сверкнули молнии. — С флешкой ты прав. Меня попросили вытащить её из твоего кармана, когда мы будем танцевать, и передать. А вместо этого я... пошла с тобой. Сломала весь сценарий. Не знаю, может, назло Порывайко... Виктор. Мой бывший. Десять лет назад разошлись. Морду его видеть не могу. Но служим в одной организации...

Она не договорила. По щекам покатились слёзы.

Флешка с копией дампов памяти радаров «Вирус» и «Фестиваль» — единственное, что осталось у Матвея с той командировки в горы, где начался весь этот кошмар. Он тогда, в суматохе, сунул её в карман, а наутро обнаружил, что она исчезла. Пропала во время их первой ночи с Инной. Он не спросил её тогда — побоялся, что правда окажется хуже подозрений. Но мысль, что она могла быть подсадной, что её отправили выкрасть данные, жила в нём, как заноза. Неужели всё сводилось к банальной краже?

Матвей обнял её, притянул к себе, поймал губами слезинку.

— Но ты так и не сказала, кто ты?... — спросил он.

— Это сейчас всё, что тебя волнует? — с горечью спросила она.

Вместо ответа он опустил голову. Все подозрения, вся ярость и боль разом ушли, уступая место обжигающе-горячему осознанию, что он прятал в самой глубине своей сути.

Перед глазами на миг вспыхнул не сочинский парк, а пугающая пустота дольмена. Он снова видел ту алмазную статуэтку воина — Стража. Луч фонарика, вонзившийся в грань, и миллиарды сверкающих чешуек, хлынувших к нему...

Тогда, в той командировке, он перестал быть просто человеком, став живым носителем чужой памяти.

— Только ты, — прошептал он, возвращаясь в реальность. — Только ты.

Он обнимал её, чувствуя хрупкое тепло человеческого тела, и понимал: Инна украла всего лишь флешку с данными радара. А он в ту ночь в подземелье украл у себя право быть просто человеком.

Глава 7.

«Остров Мечты».

Воздух на камбузе ресторана «Феличита» был густым от пара и специй. Идиллию нарушал гневный раскат грома, исходивший от невысокого полного человека в белоснежном кителе.

— Проклятая штуковина! — кричал Бомбей, тыча половником в бурлящий котёл. — Сигналит, вибрирует, спать не даёт!

В этот момент на кухню вошёл Аминта, ведомый писком браслета и мигающей отметкой на HUD.

— Проблема, шеф? — спросил он.

— Вот же она, проблема! — Бомбей ткнул половником в котёл. — Слетел с руки и бултых в суп!

Аминта заглянул в кастрюлю. На поверхности виднелся уголок синего пластика. Он извлёк браслет, облепленный зеленью.

Бомбей смотрел с немым укором.

— Мёртвый. А отчёты? Опять бумажки писать...

— Успокойтесь, шеф. Никаких отчётов.

Аминта достал ремонтный комплект, извлёк сим-карту и чип, затем из пакета «Lost & Found» — старый, но целый браслет. Тоже служебный — синий. Быстрыми движениями перенёс чип, подключил программатор к HUD.

— Сработало в прошлом месяце у горничной, — не отрываясь, сказал он. — Свой браслет в унитазе утопила.

Через минуту браслет засветился зелёным.

— Я отключил всё лишнее. Только оповещение о тревогах и навигация. Вибрировать и свистеть не будет.

Бомбей застегнул браслет на запястье. Тот мирно светился.

— А о тревоге предупредит? — повар подозрительно смотрел на гаджет.

— Первым.

— Ну... ладно, — Бомбей достал из-под стола баночку с золотистой пастой. — Это тебе. Моё личное. Не говори, что Бомбей неблагодарный.

Аминта взял баночку, улыбнувшись.

— Спасибо, шеф. Ценю. Один вопрос — мне с ней что делать?

— Значит, не ценится, — фыркнул повар, забирая баночку. — Ладно, буду должен.

Брюссель, штаб-квартира МОАЗ.

— Пока розыски не приводят к желаемому, — голос из динамика был ровным. — Ночной взлом неудачен. Команда Эриксона устроила «ложный сервер». Украденная информация не относится к текущим операциям.

— У «Norden Group» сильные программисты, — заметил Томас Мюллер. Член первой оперативной группы, он сам специализировался на компьютерных взломах. — Эриксон собирает лучших. Из незаражённых, конечно. Он открыл свою школу и там готовит себе кадры.

Алессандро Вальери, председатель Совета МОАЗ, медленно прошёлся по кабинету.

— Тогда почему эти первоклассные специалисты не могут помочь его дочери? — спросил он. — Или их школа не учит лечить технодеменцию?

— У Патриции Эриксон не всё объясняется технодеменцией, — ответил Мюллер. — Технодеменция — это только разрушенный интерфейс. У девчонки всё гораздо хуже.

Вальери резко обернулся.

— Объясни. Без эвфемизмов.

— Это значит, что перед вами райский сад. Но вход в него завален камнями от входа до выхода. Замочную скважину заварили. Как и всю дверь. И называется всё это — «Цербер». Личная разработка Шона Кейси.

В кабинете повисла тишина.

— Проклятый Кейси, — выдохнул Вальери. — Зачем он поставил ей эту программу?

— Ответ только у Шона, сэр. Но он мёртв.

— Мёртв ли? — Алессандро рассмеялся. — Мы засветились в России так, что туда и не сунешься! Кучу морвейнов потеряли! И всё из-за этого чёртова Кейси! Куда ни сунься — везде его бледная рожа нагадила!

Он швырнул пепельницу на пол. Стекло разлетелось с громким хрустом.

— Найдите того, кто знал его планы. Ройтесь в его отчётах, в мусоре, который он оставил! Я хочу знать, что у него было в голове! Потому что он явно играл в свою игру. И мы всё в ней проиграли.

«Остров Мечты».

Ранним утром, при переходе через Северное море, на «Острове Мечты» объявили учебную тревогу. Монотонный, но настойчивый голос цифрового информатора разносился по коридорам, призывая пассажиров отработать действия при нештатных ситуациях. Для большинства это было скучной обязательной процедурой, но для новичков — поводом для лёгкой паники и суеты.

Вскоре на мостике капитану Карриди доложили: одна пожилая супружеская пара, миссис и мистер Вандербилт, не прибыла к месту сбора. Пассажиры проблемные, из категории ВИП. Похоже, богатые родственники просто решили отдохнуть от пожилых супругов и спровадили их в круиз.

Аминта, отслеживая ситуацию через Тессеракт, доложил капитану с холодной точностью: — Метка мистера Вандербилта зафиксирована в районе циркового бассейна. Метка миссис Вандербилт — у трапа сразу после перехода LC-5. Вероятно, она отстала от мужа и заблудилась.

Миссис Вандербилт нашли быстро. Пожилая дама в дорогом, но помятом шёлковом костюме была в истерике. Её успокаивала стюардесса. А вот старика нигде не было.

Аминта попросил у капитана разрешения лично проверить бассейн. Получив кивок, он спустился вниз.

Основной бассейн океанариума в нерабочее время казался огромным и пугающим. Вода была тёмной и неподвижной, пахло рыбой и озоном. Система показывала, сигнал исчез где-то здесь, но самого старика видно не было. Аминта обыскал трибуны, тренерскую, переодевалку с пеналами для реквизита... И вдруг услышал слабый стук.

Он шёл на звук и наконец нашёл старика. Мистер Вандербилт, бледный и трясущийся, забился в пустой стальной контейнер для рыбы, который Аминта знал слишком хорошо. Сверху на него сдвинулись ещё несколько таких же контейнеров, создав импровизированную «клетку Фарадея» — вот почему сигнал не проходил.

Старик был в ужасе. Он не узнавал Аминту, его глаза были пустыми от страха. Он непрерывно махал рукой в сторону бассейна и хрипел, захлебываясь:

— Он там! Дьявол там! Он зовёт меня! Слышите?! Он зовёт!

Его супруга, которую привели на помощь к мужу, вела себя не лучше.

— Вы нам не верите, а это правда! — кричала она, вырываясь из рук медиков. — В бассейне живёт дьявол! Он зовёт к себе! Я смогла убежать, а мой бедный Джордж... он остался там, где страшно!

Капитан Карриди, выслушав доклад, сжал подлокотник своего кресла. Его лицо было каменным.

— Я дал команду держать их под капельницей с успокоительным, — сообщил он. — И передать их корабельному врачу. Пусть берёт под постоянный контроль. Следить за ними будут круглосуточно. Если станут буянить — переведём на седативные. Пусть их алчные наследники суетятся на берегу. На моём корабле счета за похороны не выставляют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.